

**ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
/ REGIONAL SECURITY ISSUES**

Научная статья / Research article

**Попытки вестернизации Афганистана: Аманулла-Хан и Хамид Карзай.
Уроки прошлого для горизонтов будущего**

Д. А. Борисов¹, А. А. Сафаров²

^{1, 2} *Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия*

¹ ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1321-2956>; e-mail: denisborisov@mail.ru

² ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5325-7203>; e-mail: safarov.nsuem@mail.ru

Аннотация. Стабилизация социально-экономических и общественно-политических процессов в Афганистане остается важной задачей в контексте регулирования системы международной и региональной безопасности в Азии. В 2021 г. власть в стране перешла в руки движения «Талибан», что стало своеобразным итогом, который на практике подтвердил, что западная модель государственного строительства в афганских общественных условиях не работает. Авторы статьи на основе ситуационного анализа рассматривают противоречия политики реформирования и модернизации Афганистана на основе западных стандартов в разные исторические периоды. Авторы приходят к выводу, что идеалистический подход афганских властей на разных исторических этапах приводил к появлению феномена имитационного государства, где демократические процедуры становились вещью для себя, превращаясь институциональные симулякры, которые только усугубляли социальные противоречия внутри афганского общества. В работе предлагаются рекомендации для нормализации обстановки в Афганистане: международная поддержка социально-экономического развития критически важных отраслей афганского хозяйства (внутренняя и внешняя транзитно-логистическая инфраструктура, добывающие и фабричные производства, ирригационная система); публичная политическая поддержка легитимной власти, которую признаёт большинство афганского общества без морализаторства и ценностных условий. В заключении, авторы фиксируют, что на сегодняшний день сложился уникальный расклад для позитивного развития Афганистана, сочетающий благоприятные внешние и внутренние факторы.

Ключевые слова: Афганистан, вестернизация, проблемы модернизации, Аманулла-хан, Хамид Карзай, западная модель, политические реформы, перспективы развития.

Для цитирования: Борисов Д. А., Сафаров А. А. Попытки вестернизации Афганистана: Аманулла-Хан и Хамид Карзай. Уроки прошлого для горизонтов будущего // Постсоветские исследования. 2023;5(6):520-530.

**The attempts to Westernize Afghanistan: Amanullah Khan and Hamid Karzai.
Lessons from the past for horizons of the future**

Denis A. Borisov¹, Asliddin M. Safarov²

^{1, 2} *Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia*

¹ ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1321-2956>; e-mail: denisborisov@mail.ru

² ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5325-7203>; e-mail: safarov.nsuem@mail.ru

Abstract. Stabilization of socio-economic and socio-political processes in Afghanistan connects closely with positive regulation the system of international security. In 2021 control in the country was taken by the Taliban and this event became direct marker that the Western model of statebuilding does not work in Afghan social conditions. The authors use a case study analysis for to consider the contradictions of reformation and modernization policy, which was based on Western principals in

different historical periods. As a case patterns of analysis, the paper examines two examples of the country's westernization: an attempt to reform Afghanistan by king Amanullah Khan (1919-1928) and reforms in the first period of president H. Karzai (2001-2008). The authors come to conclusion that the preference of idealistic approach of Afghan authorities led to a phenomena "imitation state" so democratic procedures turned into a thing for themselves and became institutional simulacra, which could only feather provoke social contradictions within Afghan society. The modernization projects of Amanullah Khan and H. Karzai couldn't offer and implement programs for the socio-economic development of country. The study through historical observation suggests a number of principal provisions to use for normalization of situation in Afghanistan. It is important to built international support priority on the socio-economic development of Afghanistan with special attention to: the expansion of internal and external transit and logistics potential; the investment in mass-production and irrigation systems; the public support for real legitimate government, which recognizes the majority of Afghan society without moralizing conditions. Moreover, the authors note that there is a situation for the positive development of Afghanistan today, where favorable conditions are observed in both and internal and external fronts.

Keywords: Afghanistan, Westernization, problems of modernization, Amanullah Khan, Hamid Karzai, Western model, political reforms, development prospects.

For citation: Denis A. Borisov, Asleddin A. Safarov. The attempts to Westernize Afghanistan: Amanullah Khan and Hamid Karzai. Lessons from the past for horizons of the future // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;5(6):520-530.

Введение. В 2021 г. в Афганистане к власти пришло движение «Талибан», что стало финалом попытки международного сообщества во главе с США обеспечить устойчивое мирное развитие афганского государства. Очередная попытка модернизации этой страны по западной модели, которая началась с правления Х. Карзая, потерпела неудачу, а афганское общество вновь оказалось перед выбором дальнейших направлений государственного строительства. Сегодня активность в стабилизации социально-экономической и общественно-политической обстановки в Афганистане проявляют страны Евразии. Однако поиск наиболее эффективных стратегий социально-экономического и общественно-политического развития требует исторической рефлексии уже пройденного пути, важно выделить фундаментальные и прикладные составляющие в развитии афганской государственности и общества, чтобы приблизиться к более точной модели поступательного и мирного функционирования государственных институтов Афганистана в XXI в. В этом контексте авторы статьи на основе методов ситуационного подхода проводят сравнительный анализ нескольких попыток

модернизации афганского государства и общества, которые были предприняты в начале XX века Амануллоу-ханом в период с 1919 по 1928 гг. и в начале XXI века Хамидом Карзаем под покровительством коалиции западных государств с 2001 по 2009 гг.

Первая попытка вестернизации. В начале XX в. Афганистан представлял собой одну из наиболее малоразвитых стран мировой системы с населением от 4 до 7 млн человек, которая в статусе полузависимой территории входила в колониальную систему [Окимбеков 2016: 74]. Внутренняя жизнь страны была полна феодальных пережитков, которые держались на крепких родоплеменных отношениях с влиятельным духовенством, а ее внешнюю политику определяли в Лондоне. Основу национального хозяйства составляло низкопроизводительное земледелие и пастбищное скотоводство, практически отсутствовали внешнеэкономические связи.

К этому времени в политической повестке региона всё чаще начали слышаться вопросы о преодолении отсталости от западных стран, о власти христиан над мусульманами и возможности преодоления существующей разницы в развитии. Данные

проблемы стали точкой опоры для появления разного вида идеологических движений, требующих масштабных реформ. В Турции их называли младотурками, в российской Средней Азии джадидами, а в Афганистане сторонники данного движения идентифицировались как младоафганцы, которые опирались на наследника престола Аманулла-хана. Они выступали за масштабные реформы в сфере светского и религиозного образования, также младоафганцы требовали очищения ислама от новшеств и возврат к истокам [Акимбеков 2015: 142-143]. Махмуд Тарзи лидер младоафганцев говорил, что суеверия и традиции, противоречащие голосу разума, не являются основой ислама. Поэтому именно мусульмане, а не ислам, несут ответственность за отставание их обществ [Gregorian 1969: 166]. В тоже время за лозунгами о общественно-политическом переустройстве страны мало было идей, посвящённых преодолению социально-экономической отсталости народного хозяйства Афганистана, что в конечном итоге станет одной из основных причин провала социально-политических реформ первой независимой власти.

27 февраля 1919 г. эмиром становится сын Хабибуллы-хана – Аманулла-хан. С этого момента младоафганцы получили все возможности для реализации масштабных проектов реформ [Shaista 2010: 106]. 28 февраля 1919 г. в своей тронной речи новый король провозгласил Афганистан свободным и заявил, что отныне его страна должна обладать всеми правами, которыми обладают все суверенные государства мира, тем самым, объявив о своей полной независимости от Англии и отказе от прежних обязательств проводить свою внешнюю политику только с ее согласия. Король подчеркнул: «С твердой решимостью я возлагаю на себя тяжкое бремя управления страной и религиозными делами» [Аргандави 1997: 427-428]. Первый шаг реформ начался 10 апреля 1923 г. на заседании Лоя Джерги в Джалалабаде, когда была ратифицирована первая афганская Конституция.

Принятый основной закон установил в Афганистане новую архитектуру властных

отношений между государством, обществом и личностью на основе западных конституционных и демократических принципов. В частности, декларировались: гарантия свободы личности, равноправие и равенство всех перед законом; отмена института рабства; отмена любых пыток и мучений арестованных; возможность жаловаться на незаконные действия чиновников; свободу печати; свободу обучения, в том числе обязательное начальное обучение; неприкосновенность жилища и собственности и т.п. Конституция определяла структуру и принципы работы органов административного управления страной [Белокреницкий, Сикоев 2023: 46].

Аманулла пошёл по пути структурных преобразований системы государственного управления, которая формально повторяла институциональный дизайн западных демократий на базе трех независимых ветвей власти. Однако, эмир стоял вне этой системы разделения властей: он не был подотчетен законодательной и исполнительной власти. Более того именно король назначал половину депутатов в Государственный совет (высший представительный орган), который имел консультативные функции, а окончательные решения принимал лично монарх. Юридически с апреля 1923 г. в Афганистане устанавливается конституционная монархия, но фактически неограниченной властью короля.

Ожидаемо, что улемы (духовенство) однозначно высказались против подчеркнута светского конституционного строя Афганистана. Было заявлено: «деспотия, конституционализм, республика и большевистский режим... бесполезны для управления... шариат не приемлет их, и разум не одобряет...» [Губар 1987: 151]. Единственно полезной и разумной формой государственного строя улемы признавали только халифат. В этом контексте, начатые общественно-политические реформы провоцировали социальный конфликт по линии светских и религиозных институтов. Дополнительно, конфликт с духовенством провоцировало закрепление свободы судопроизводства в рамках разработанного при личном участии короля «Положения о судах». Данный закон серьезно ограничивал

полномочия шариатских судов, разделяя дела «подсудные Богу» от дел «подсудных человеку»: независимость светских судей, публичность судебного процесса, различие между светскими и религиозными преступлениями, духовенство переводилось на государственную службу, шариатские суды перешли в подчинение министерства юстиции.

Аманулла-хан проявил законодательную активность: были изданы десятки уложений, которые охватывали почти все сферы жизнедеятельности общества и личности. Были приняты: «Основы государственной организации Афганистана», «Закон о торговых агентствах», «Закон о деятельности госказны», а также законы «О муниципальных городских властях», «О гражданстве и паспортах», «Об иммигрантах», «О частных школах», «О судах и тюрьмах», «Об административном делении страны», «О госбюджете», «О пенсии», «О создании женских и мужских колледжей», «О почте», «О тренировочных базах для военных», «О женитьбе и обрезании» и т.п. [Pullada 1973: 38, 46, 70–79; Имомов 2001: 363–367].

Однако король не смог предложить адекватных программ социально-экономического преобразования афганского общества. На фоне постоянных нормативно-правовых новелл, касающихся регулирования политических и идеологических отношений, Афганистан оставался страной со слаборазвитой экономикой, что не позволяло обеспечить ни внешнеэкономические связи, ни внутреннюю хозяйственную связанность между регионами страны. Фактически масштабное нормотворчество свидетельствовало об идеалистическом характере центральной власти, для которой само по себе написание законов воспринималось фактором преобразования общественной жизни.

К 2020-м гг. афганская экономика оставалась заложником своей географии: высокогорный рельеф выступал существенным препятствием для интеграционных процессов, разделяя страну

на автономные и изолированные друг от друга хозяйственные системы. Действовали преимущественно труднопроходимые караванные маршруты, которые сезонно соединяли Север и Юг страны и обеспечивали хозяйственное взаимодействие с другими странами региона. Всё строительство современной транспортной инфраструктуры было представлено асфальтированной дорогой для королевского автомобиля в Кабуле [Окимбеков 2016: 82]. С таким разряженным уровнем хозяйственной связанности страны инициативы по строительству сильного централизованного государства можно охарактеризовать как идеалистические. Успехов в интенсификации международных экономических связей в период правления короля также не наблюдается: в среднем в 1911-1915 гг. общий объем внешней торговли Афганистана составил 15,4 млн долл., а к 1924-1925 гг. он увеличился всего до 16,8 млн или всего на 9% за 10 лет [Гуревич 1981: 25].

Экономические преобразования фиксируются только в фискальной и финансовой сферах: введение денежного налога на землю и скот. Конституция меняла акценты в праве частной собственности, заменяя религиозные основания на светские, определяя механизмы отчуждения собственности в пользу государства [Коргун 2004а: 89]. Данные действия не способствовали расширению социальной базы поддержки королевских реформ, обострялись отношения между государственными и общественными традиционными институтами (племенами), которые исторически ориентировались на религиозные правила использования частной собственности. В целом, налоговая система подрывала основы экономической деятельности вождей племен, а строительство и развитие государственной дорожной сети воспринималось, как механизм государственного и административного контроля. По итогу, экономическая политика только усиливала центробежные силы.

По задумке Амануллы-хана Конституция и его реформы должны были умерить власть

богословов (улемов), ограничить независимость племенных вождей, снизить влияние шариатских судов, подчинить Кабулу органы самоуправления в провинциях и укрепить вертикаль центральной власти и новый политический режим. Однако в условиях, когда подавляющее большинство населения страны находилось под властью мулл и вождей племен, намеченные светские прогрессивные государственно-правовые реформы осуществлялись крайне сложно. Недовольство мулл вылилось в восстание племен в 1924 г. в Хосте [Белокреницкий, Сикоев, 2013: 46]. Первое организованное антиправительственное выступление было направлено в основном против конституции, особенно против статей о либерализации положения женщин и стремления властей регулировать семейные отношения. Продолжилось давление на несогласное духовенство с помощью усиления политических институтов, представив в 1928 г. в Лоя Джирги достаточно жёсткий пакет реформ. Главной целью новелл была попытка поставить под государственных контроль систему подготовки религиозных деятелей: учреждались школы для мусульманских правоведов и юристов светского законодательства, ликвидировался институт вакфов, запрещалась деятельность улемов, получивших образование в Индии [Коргун, 2004а: 119].

Закономерно, религиозная оппозиция начала консолидировать против короля отдельных консервативно настроенных лидеров племен и широкие слои афганского населения. В этих условиях, составленное по коалиционному принципу правительство Аманулы стало вызывать подозрение у короля, началась «охота на ведьм». В течении короткого периода некогда близкие соратники короля утратили доверие и были выведены из правительства: министр иностранных дел Махмуд Тарзи, военный министр Мухаммад Вали-хан, министр торговли Абдул Хади Дави. Дальнейший кризис власти начал усиливать фракционность, взаимную вражду и недоверия. Афганский король начал стремительно терять поддержку.

Развязка борьбы между королём и традиционалистским обществом произошла в конце 1928 г. 11 декабря в крепости Вайсуддин в Калакане на собрании мулл, ханнов племен и старейшин было принято решение о нападении на Кабул, а король Аманулла был объявлен безбожником. Бунт под предводительством Бачаи Сакао привёл к падению режима Аманулы и его эмиграции из страны. Бачаи Сакао был провозглашен новым эмиром Афганистана под именем Хабибулла Гази (слуга истинной веры) [Коргун, 2004а: 169].

Реформы на основе западных стандартов были встречены враждебно консервативной частью афганского общества. Племенных вождей и духовенство устраивало привилегированное положение в сложившейся традиционной структуре общества. Мусульманские богословы стали наиболее яркими противниками социальных и экономических реформ, составив идеологический костяк антиправительственных движений. К ним примкнули крупные феодалы-землевладельцы, вожди племен, недовольные ограничениями их административной власти, лишением традиционных привилегий и доходов от сбора налогов и контрабандной торговли с Британской Индией [Ганковский, 1982: 232].

Слабым местом в политике реформ Аманулы стала асимметрия в выбранной стратегии преобразования афганского государства в пользу политических мер при очень невнятной политике экономических преобразований, отсутствовало комплексное стратегическое видение нового Афганистана, которое бы работало на развитие афганского общества как единого политического и экономического субъекта. По факту политическая деятельность, направленная на создание сильного централизованного государства, не соответствовала ни социально-экономическому уровню, ни уровню развития общественных отношений афганского общества. Король не смог предложить и реализовать масштабные модернизационные проекты в тех отраслях экономики, которые способствовали бы формированию социальной основы его

реформистским инициативам: темпы развития транспортной инфраструктуры, энергетики, ирригации и фабрично-заводской промышленности оставались на очень низком уровне.

Правление Амануллы-хана выпало на сложный период в международных отношениях, найти ресурсы на экономическую модернизацию внутри отсталой страны он не смог, а поиск внешних источников осложнялся как завершением Первой мировой войны, когда страны Восточной Европы и первого советского государства пребывали в состоянии глубокого кризиса, так и кризисом доверия со странами Западной Европы после выдворения англичан. Только в 1928 г. король смог совершить официальный визит в восточные и европейские страны, были достигнуты незначительные соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве и предоставлении кредитов на развитие народного хозяйства. В частности, Германия предоставила кредит на 6 млн марок сроком на 8 лет для закупок техники, машин и оборудования, необходимых при создании и развитии предприятий в различных секторах национальной экономики, но это уже не могло повлиять на запущенные общественные процессы в афганском обществе [Окимбеков 2016: 76]. Дополнительно, долгосрочные инвестиции в развитие современного автомобильного и железнодорожного хода через территорию Афганистана объективно противоречило монополии морского транспорта в мировой экономике, который контролировал мировую торговлю. В этом контексте крупнейшая империя и её капиталы не были заинтересованы в финансировании сухопутных маршрутов через сердце континента. В итоге, такие внутренние и внешние противоречия объективно оставляли очень мало шансов для реализации

задуманных Аманулой планов по преобразованию Афганистана.

Новая попытка модернизации. К новому тысячелетию Афганистан подошёл сопоставимо отстающем состоянии, как и в начале предыдущего столетия: тотальное экономическое отставание от среднемировых показателей, усиленная гражданской войной территориальная раздробленность, преимущественно аграрное бедное население. В этих условиях в декабре 2001 г. в Бонне (Германия) состоялась конференция основных антиталибских сил, где было подписано межафганское¹. По документу стране при поддержке международного сообщества предстояло принять новую Конституцию и создать полноценное правовое государство с исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти. Так началась новая попытка обустроить афганское государство и общество по принципам западных демократий. В 2004 г. состоялась Лоя Джирга, где была принята новая Конституция, которая сформулировала политические, идеологические, экономические и организационные параметры новой государственной модели. В этом же году на президентских выборах победу одержал кандидат Х. Карзай. В 2005 г. прошли выборы в республиканский парламент и 34 провинциальных совета².

По духу новый текст основного закона Афганистана можно сопоставить с конституцией Аманулы – эти документы стали типичными образцами своего времени основного закона в западнцентристском понимании. По новой конституции Афганистан получил президентскую форму власти, унитарную административную систему, основные права и свободы граждан. Однако, конституционный компромисс в пользу представителей религиозной части общества заключался в признании ислама государственной религией, а мусульманское

¹ Соглашение о временных механизмах в Афганистане до восстановления постоянно действующих правительственных институтов // СБ ООН (05.12.2001). URL: <https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/>

AF_011205_AgreementProvisionalArrangementsinAfghanistan%28ru%29.pdf (дата обращения: 01.09.2022)

² Karzai confirmed as Afghan president // The Guardian (03.11.2004). URL: <https://www.theguardian.com/world/2004/nov/03/afghanistan.afghanistantimeline> (дата обращения: 01.09.2022)

духовенство получило особые полномочия в системе судопроизводства и общественной жизни [Jalili, Faizu, Shenwari, 2022]. Религиозный аспект был зафиксирован в новом названии страны – «Исламская Республика Афганистан».

Однако необходимо зафиксировать важное отличие в диспозиции внутренних и внешних политических факторов при реализации западного проекта в Афганистане в начале XXI в. Наблюдается инверсия сопутствующих и препятствующих факторов. Если в начале XX в. внутренние условия были на стороне Кабула, чувствовалась внутренняя консолидация общества после победы над Великобританией, но при весьма безучастном международном сообществе, то начало президентства Х. Карзая выпало на острейшую гражданскую войну, но при активной поддержке международного сообщества.

Соответственно, заданные условия определили главную проблему политики реформ Х. Карзая – легитимность власти. Центральное правительство в Кабуле воспринималось частью афганского общества как зависимое и подчинённое внешним силам, что мотивировало вооружённую оппозицию к активным действиям: как со стороны движения Талибан, которые представляют националистический проект афганского государства, или движения Исламская партия Афганистана Г. Хекматьяра, который придерживается на более радикальных религиозных основаниях, так и Аль-Каида, которая апеллирует к глобальной борьбе против влияния Западной цивилизации. Все эти силы выступали оппонентами центральному правительству, что сдерживало реформы Кабула в регионах и девальвировало демократические процедуры действия. На февраль 2003 г. талибы сохраняли контроль в сельской местности, были особенно заметны в южных и юговосточных провинциях (Кандагар, Заболь, Урузган, Пактия, Хост). Более того,

имелась практика публичного назначения альтернативных органов государственного управления: мулла Омар в июне 2003 назначил муллу Абдул Джабара губернатором провинции Заболь [Коргун, 2004b: 10].

Политическую слабость Х. Карзая как общафганского лидера прослеживается и в политических сделках с союзниками [Jabeen, Shauket 2019: С. 200]. Например, содержание предвыборного соглашения с 12 губернаторами пограничных провинций чётко фиксирует проблемы новой власти: обязательство поддерживать правительство и обеспечивать закон и порядок в своих провинциях; переводить все таможенные пошлины, доходы и другие поступления в Центральный банк; не совершать визитов в соседние страны без уведомления правительства; не создавать собственной армии; не вмешиваться в дела других провинций; не использовать титулы типа «эмир», «специальный посланник президента»; следовать в русле внешней политики правительства и не выступать с заявлениями, противоречащими правительственному курсу; не подписывать соглашения с иностранными государствами без уведомления и разрешения правительства.

В результате президентская власть тратила все силы для достижения легитимности как на политических, так и на военных полях сражений. В таких условиях, вопросы развития национального хозяйства приобретали второстепенное значение, что прослеживается в акцентах стратегического планирования. В 2004 г. Х. Карзай представил «Новую стратегию» для политического контроля в стране, где среди основных проблем было отмечено: большое влияние негосударственных военных формирований, саботаж процесса разоружения «лояльных» северных провинций, высокие коррупционные издержки¹. Даже среди союзников новой власти не все были готовы проводить согласованный политический курс, что

¹ Afghan President Describes Militias as the Top Threat // The New York Times. 12.07.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/07/12/world/afghan->

[president-describes-militias-as-the-top-threat.html](https://www.nytimes.com/2004/07/12/world/afghan-president-describes-militias-as-the-top-threat.html) (дата обращения: 01.09.2022)

особенно демонстрировали такие лидеры как генерал Абдуллах Дустум и Исмаил-хан, которые сохраняли при себе значительные вооруженные контингенты и контролировали север и запад страны [Пластун 2004: 20-21].

Политическая неполноценность режима Х. Карзая вынуждала регулярно отвлекаться на малоэффективные демократические действия, где Кабул пытался военные задачи решить политическими процедурами. В 2004 г. Президент Афганистана обратился к талибам с призывом о переговорах и диалоге через инициированную Комиссию по национальному примирению – ответа не последовало. Далее в расчете на влияние Исламабада на движение Талибан была предпринята попытка обратиться к традиционным племенным процедурам решения конфликта – Большая Джирга [Коргун, 2008: 13]. В августе 2007 г. в Кабуле прошла «Джирга мира» старейшин пограничных племен, живущих в Пакистане и Афганистане. Предполагалось участие глав Пакистана и Афганистана, но пакистанская сторона на кануне мероприятия понизила уровень дипломатического представительства, прислав вместо П. Мушаррафа премьер-министра Ш. Азиза¹. Несмотря на объявленный официальными властями успех, подобные форматы не смогли качественно изменить динамику конфликта между сторонами.

Наиболее значимые практические результаты, которыми отчитывалось правительство Х. Карзая – это построение национальной армии и полиции, увеличение численности до 152 и 118 тыс. чел. соответственно. Однако, статистика по вооруженному насилию обнуляла эти достижения: в 2010 г. от рук боевиков погиб 2421 человек, что на 15% больше, чем в 2009 г. и в 3 больше, чем в 2006. 2010 год побил рекорды по применению насилия за последние 10 лет [Борисов, Сафаров 2021].

В итоге первое десятилетие функционирования режима Х. Карзая сформировало вполне конкретный стиль управления государством – имитационное государство, где демократические процедуры стали вещью для себя и для хорошего настроения западных чиновников, которые под эти демократические симулякры согласовывали очередные транши финансовой помощи. Создание институтов западной демократии и применение «западной модели» государственного строительства при игнорировании цивилизационной и культурной идентичности в архаичной восточной стране смогли создать только видимость демократических институтов и правового государства [Bahari 2022: 23].

Политические проблемы дополнялись экономическими, где правительство Х. Карзая не смогло организовать поступательное развитие национального хозяйства. Показательным маркером является то, как решалась самая насущная и затратная для экономики Афганистана проблема – развитие дорожной инфраструктуры, на которую приходится почти 30% бюджетных расходов. В 2004 г. совместно с ведущими международными институтами развития был разработан главный доктринальный документ по комплексному развитию страны «Защищая будущее Афганистана: достижения и стратегический путь вперед»². Несмотря на масштабные планы, правительству Х. Карзая удалось только с большими временными задержками и значительным перерасходом средств обеспечить восстановление действующей автодорожной инфраструктуры, которая серьезно пострадала в период военных действий 1990-х гг. [Окимбеков 2016: 149]. В тоже время масштабные инфраструктурные проекты по реализации прорывного и догоняющего развития, остались только на страницах этих

¹ Сегодня в Кабуле открывается афгано-пакистанская джирга // Афганистан.Ру. 09.08.2007. URL: <https://afghanistan.ru/doc/9621.html> (дата обращения: 01.09.2022)

² Securing Afghanistan's Future: Accomplishments and the Strategic Path Forward // Afghanistan Information

Centre. 24.03.2004. URL: http://afghandata.org:8080/xmlui/bitstream/handle/azu/3436/azu_acku_pamphlet_hc417_s438_2004_w.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.09.2022).

стратегических планов, если не считать открытие железной дороги из Узбекистана в Афганистан (Термез – Мазари-Шариф).

В 2008 г. низкие результаты предыдущего стратегического планирования заменяются новой стратегией, афганское правительство публикует «Стратегию национального развития Афганистана 2008-2013 гг. Стратегия безопасности, государственного управления, экономического роста и сокращения бедности». В данном документе косвенно подтверждаются провалы предыдущего периода: «примерно 85% общей автодорожной сети... в значительной степени разрушено, а большая часть дорог непроходима для автомобильного транспорта»¹. Замена одной экономической стратегии в очередной раз характеризует режим Х. Карзая как имитационный не только в политике, но и в экономике.

Управленческая некомпетентность режима Х. Карзай проявилась в первую очередь в вопросах финансового контроля [Rasa, 2020]. Кабул не смог добиться ни приоритета для национальных компаний в реализации строительных подрядов, ни права организовывать конкурс, аудит и приёмку для работы, выполненной иностранными подрядными организациями. Такое положение дел существенно снижало эффективность проводимой социально-экономической политики: регулярное завышение стоимости строительных работ, низкое качество исполнения, увеличение коррупции. Например, стоимость 1 километра дороги «Кабул – Кандагар» шириной 7 метров составила 694 тыс. долл., а на реконструкцию афганской кольцевой автодороги в 2009 г. было потрачено 30% всей суммы средств, предусмотренных планом на развитие автодорожного сектора в целом [Окимбеков 2016: 162]. По сути, экономических эффект от развития дорожной инфраструктуры Афганистана чувствовали только международные и афганские чиновники, плюс западные

компании, которые осваивали международную финансовую помощь.

Заключение. Две попытки реализовать западную модель государственного управления на афганской земле повторили общую ошибку – неспособность действующей власти обеспечить социально-экономическое развитие страны. Если при короле, главной проблемой стало отсутствие внутренних и внешних ресурсов для решения экономических проблем, то Х. Карзай имея серьёзную финансовую поддержку со стороны международного сообщества, не смог обеспечить эффективное государственное управление и расходование средств. Оба режима не смогли преодолеть социальные противоречия афганского общества, где первый потерял свою легитимность в ходе политических реформ, а второй не смог её обрести при реализации реформ.

Исторический опыт афганского общества чётко продемонстрировал, что безусловное копирование иностранных подходов в афганских условиях, не способны не только обеспечить эффективного и поступательного развития государственных и общественных институтов, но и приводят к эскалации и расширению спирали насилия в афганских общественных отношениях, что в конечном итоге девальвирует минимальные хозяйственные достижения и общественный прогресс. Тем не менее, пройденный исторический путь позволяет сформулировать апробированные политической практикой базовые принципы стратегического развития Афганистана, которые необходимо учитывать любым заинтересованным в мирном развитии Афганистана международным акторам.

Во-первых, приоритет экономики над политикой, особенно по вопросам социально-экономического развития критически важных отраслей. Расширение внутреннего и внешнего транзитного потенциала территории Афганистана для автомобильного, железнодорожного и трубопроводного видов транспорта, что

¹ Afghanistan National Development Strategy 1387–1391 (2008–2013). A Strategy for Security, Governance, Economic Growth & Poverty Reduction // Afghanistan Information Centre. URL:

http://afghandata.org:8080/xmlui/bitstream/handle/azu/21173/azu_acku_pamphlet_hc417_a364_2013_w.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 01.09.2022).

обеспечит хозяйственную связанность между регионами страны, а также собственные средства и развития национальной транспортной инфраструктуры.

Во-вторых, инвестиции в крупные добывающие и фабричные производства, ирригационные системы, что запустит процессы формирования прогрессивных социальных слоёв, которые станут естественным фактором трансформации общественных отношений и преодолению архаичных пережитков. Именно массовые производства и цепочки добавленной стоимости, обеспеченные эффективной логистикой, будут наиболее эффективным средством против регионального сепаратизма и родоплеменного традиционализма.

В-третьих, публичная поддержка легитимной власти, которую признаёт большинство афганского общества без морализаторства и ценностных условий.

Изоляция отдельных оппозиционных групп и лидеров, выступающие в региональном сепаратистском дискурсе.

Сегодня можно зафиксировать уникальный расклад для позитивного развития Афганистана, где совпадают благоприятные тенденции как во внутренних, так и внешних процессах. Внутри Афганистана мы стали свидетелями появления легитимной общеафганской политической силы, которая на протяжении последних 20 лет вела борьбу за власть и смогла одержать военно-политическую победу, взяв власть в стране. В международных отношениях также происходят качественные изменения, где появились субъекты, которые имеют возможности и ресурсы проводить альтернативную Западу внешнюю политику и могут оказать экономическую и политическую поддержку действующему руководству Афганистана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимбеков С.М.* История Афганистана. Алматы, ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015.
- Аргандави А.А.* Жвандай хатире («Живая память»). Пешавар, 1997.
- Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р.* Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М.: ИВ РАН, 2013.
- Борисов Д.А., Сафаров А.М.* Западная модель урегулирования афганского конфликта: взлет и падение "Боннского трека" (2001-2014 гг.) // *Вестник ТГУ.* 2021. № 466.
- Ганковский Ю.В.* История Афганистана с древнейших времен до наших дней. М.: Мысль, 1982.
- Губар М.Г.М.* Афганистан на пути истории. М.: Наука, 1987.
- Гуревич Н. М.* Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. М.: Наука, 1981.
- Имомов Ш.З.* История общественной мысли Афганистана во второй половине XIX—первой половине XX века. Москва - Душанбе: Дониш, 2001.
- Коргун В.Г.* Афганистан после Талибов // *Афганистан в начале XXI века.* М.. 2004.
- Коргун В.Г.* История Афганистана. XX век. М.: ИВ РАН, 2004.
- Коргун В.Г.* Мирный процесс в Афганистане. Мекканский эпизод 2008 // *Азия и Африка сегодня.* 2008. № 6.
- Окимбеков У.В.* Экономика Афганистана (производственная инфраструктура). М.: ИВ РАН, 2016.
- Пластун В.Н.* «Новая стратегия» Хамида Карзая и его заокеанских спонсоров // *Афганистан в начале XXI века.* М. 2004.
- Bahari R.* Democratic progress in Afghanistan. Case Study. University of Basel Switzerland. 2022.
- Gregorian V.* The Emergence of Modern Afghanistan. California, 1969.
- Jabeen M. and Shauket U.* Democratization of Afghanistan and Karzai Regime // *Journal of Political Studies.* Special Conference Issue. 2019.
- Jalili A. M., Faizy S. G., Shenwari Z.* The Powers of the President against the Legislative Branch; According to the Constitution of Afghanistan // *Integrated Journal for Research in Arts and Humanities.* 2(5).
- Pullada L.* Reform and Rebellion in Afganistan 1919–1929. London, 1973.

Rasa R. Economic Development in Afghanistan // *International Journal of Management and Humanities*. 2020. Vol.5(2).

Shaista W., Youngerman B. A brief history of Afganistan. New York, 2010.

REFERENCES

Akimbekov S.M. History of Afghanistan. Almaty. 2015. 847 s. (In Russ.)

Argandavi A.A. Living memory. Peshavar, 1997. 452 s. (In Pashto)

Bahari R. Democratic progress in Afghanistan. Case Study. University of Basel Switzerland. 2022. 25 p.

Belokrenickij V.YA., Sikoev R.R. Authoritarianism and democracy in conditions of Afghanistan and Pakistan. M.: IV RAN, 2013. 176 s. (In Russ.)

Borisov D.A., Safarov A.M. The western model of settling the afghan conflict: the rise and fall

Gankovskij YU.V. History of Afghanistan from ancient times to the present day. M.: Mysl', 1982. 368 s. (In Russ.)

Gregorian V. The Emergence of Modern Afghanistan. California, 1969. 563 p.

Gubar M.G.M. Afghanistan on the path of history. M.: Nauka, 1987. 208 p. (In Russ.)

Gurevich N.M. Foreign trade of Afghanistan in modern times. M.: Nauka, 1981. 61 s. (In Russ.)

Imomov SH.Z. The history of social thought in Afghanistan in the second half of the 19th—the first half of the 20th century. Moskva - Dushanbe: Donish, 2001. 400 s. (In Russ.)

Jabeen M. and Shauket U. Democratization of Afghanistan and Karzai Regime // *Journal of Political Studies*, Special Conference Issue. 2019. p. 185-209.

Jalili A. M., Faizy S. G., Shenwari Z. The Powers of the President against the Legislative Branch; According to the Constitution of Afghanistan // *Integrated Journal for Research in Arts and Humanities*. 2022. 2(5). p. 134–136.

Korgun V.G. Afghanistan after the Taliban. *Afganistan v nachale XXI veka*. M., 2004b. s. 3-20. (In Russ.)

Korgun V.G. History of Afghanistan. XX century. M.: IV RAN, 2004a. 528 s. (In Russ.)

Korgun V.G. Peace process in Afghanistan. Meccan episode 2008. *Aziya i Afrika segodnya*. 2003. No. 6. s. 13-17. (In Russ.)

Okimbekov U.V. Economy of Afghanistan (industrial infrastructure). M.: IV RAN, 2016. 447 s. (In Russ.)

Plastun V.N. New strategy" of Hamid Karzai and his overseas sponsors. *Afganistan v nachale XXI veka*. M., 2004. s. 20-137. (In Russ.)

Pullada L. Reform and Reblion in Afganistan 1919–1929. London, 1973. 318 p.

Shaista W., Youngerman B. A brief history of Afganistan. New York. 2010. 354 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Борисов Денис Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права НГУЭУ Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, e-mail denisborisov@mail.ru

Сафаров Аследдин Мукомович, старший преподаватель кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия safarov.nsuem@mail.ru

Denis A. Borisov, candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail denisborisov@mail.ru

Asliddin M. Safarov, senior Lecturer, Department of World Economy, International Relations and Law Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail safarov.nsuem@mail.ru